

Суфийский шейх Шуджа эд-Дин Вели (Султан Варлыгы) и его жизнеописание «Вилайет-наме»

Введение, перевод и комментарии Ю.А. Аверьянова

Византийский город Наколейа был взят арабским полководцем Аббасом ибн аль-Валидом в 708 г. Возможно, в ходе осады и штурма крепости погиб в бою легендарный арабский герой Сейид Баттал Гази, в честь которого впоследствии (уже в XIII) Наколейа была переименована в Сейидгази. По другим сведениям, эпический герой Сейид Гази пал в сражении с «неверными» между 730 и 740 гг. Движение «борцов за веру» (*гази*) получило второе дыхание в XI в. в связи с наступлением на Византию огузских племен, возглавленных династией Сельджукидов. Многие кочевники желали присоединиться к организованным отрядам гази и поучаствовать в «войне за веру», приносящей не только славу и почет, но и быстрое обогащение.

Основатель малоазиатского султаната Сельджукидов Сулейманшах, сын Куталмышы (1075–1086), заключил с византийцами договор, согласно которому Дорилейон (Эскишехир) и его округа (в том числе, по-видимому, и сильно пострадавшая от нашествий полузаброшенная Наколейа) перешли под власть династии Сельджукидов. Однако в дальнейшем эти места, скорее всего, еще несколько раз переходили из рук в руки. В 1173 г. арабский путешественник Али ибн Абу Бакр аль-Харави сообщает о том, что на сельджукско-византийской границе располагался холм, на котором был похоронен Сейид Баттал Гази, и что на этом холме, называемом «неверными» Термами (*ат-Турма*), существовал бальнеологический курорт («сюда приезжают больные для исцеления») [Say, 2006, S. 99–103]. Тюрки называли тот же самый холм «Царским курганом» (*Султан Ойюгю*). Личное имя Сейида Гази этот автор приводит в такой форме — Абу Мухаммад аль-Баттал.

На левом берегу р. Сакарья турки укрепились в городе Сиврихисар, который в ту эпоху (XII–XIII) переживал определенный расцвет, так как находился в стороне от линии военных действий [Özalp, 1961, S. 47 and next]. В XIII в. с востока появляются новые туркменские племена, поселившиеся в степном районе Караджадаг (к югу от Анкары), в том числе — племя *кайы* из фратрии *бозок* (из этого племени вышла в

дальнейшем Османская династия). Вместе с этими племенами из Хорасана переселяются и суфийские наставники, занимавшиеся духовным окормлением этих кочевников и полукочевников. В окрестностях Сейидгази возникают суфийские обители — Гек Неби, Урьян Баба, Мелик Гази и Хаджи Баба. Спасаясь от монгольского ига, несколько сотен тысяч туркмен («тридцать тысяч шатров») перебрались на запад Малой Азии и около 1261 г. заняли византийско-сельджукское пограничье в районе гор Тюркмен (к западу от Сейидгази) и долину реки Порсук [Turan, 1984, S. 507]. В окрестностях Эскишехира большим влиянием пользовалось знатное тюркское семейство Джаджа из Кыршехира. В 1280 г. монголы, управлявшие Ираном и Малой Азией, приняли решение разделить государство Сельджукидов между двумя султанами, что способствовало его дальнейшему ослаблению и гибели.

Область Эскишехира какое-то время была территорией, где скрещивались зоны влияния княжества Османов, первой столицей которого было селение Сегют, и княжества Гермиян с центром в Кютахье. Монголы поселили вокруг Эскишехира еще одно кочевое племя — *тургут* (название которого напоминало о древних тюрках — *тюркютах*).

Эскишехир оказался «в тылу» у Османской династии, порывавшейся к завоеваниям в западном направлении. Эскишехир (под названием Султан-оңу) стал обычным провинциальным городом, потерявшим свое бывшее значение форпоста на рубежах «священной войны» и жившим больше воспоминаниями о славных временах Сейида Баттала Гази. Марокканский путешественник XIV в. Ибн Баттута вскользь упоминает об этом городе, но сам он его не посещал и никакого описания этих мест не оставил (хотя образ арабского героя-воителя теоретически должен был бы его заинтересовать). Лишь от XVI в. дошли до нас первые зарисовки (миниатюры) с видом на сакральный центр, сложившийся к тому времени в Сейидгази, — они относятся к проезду через Эскишехир и Сейидгази султана Сулеймана Кануни (в 1533–1534 гг.), отправлявшегося в поход для покорения Багдада. Рисунки были сделаны Насухом Матракчи. На них представлены помимо усыпальницы самого Сейида Баттала Гази две мечети, караван-сарай, три бани, пруд, мельница, колодец и развалины византийской крепости (возможно, также и византийской церкви или монастыря).

Именно в эпоху монгольского нашествия, в XIII–XIV вв., в обители (*завийе*) Сейида Гази и на соседних с ней землях нашли пристанище многочисленные толпы странствующих дервишей — *абдалов*, *каландаров*, *джавлаков*. Станным образом они привязываются к личности Сейида Гази и начинают почитать его в качестве своего небесного покровителя — *пира*. Эти дервиши собираются каждую пятницу возле гробницы Сейида Гази и устраивают там свои радения. Раз в год, в праздник Жертвоприношения (*Курбан Байрам*), бродячие дервиши со всей Малой Азии сходились вместе в обители Сейида Гази и в течение нескольких дней совершали ритуальные церемонии (*айин*), поклоня-

ясь духу Сейида Гази. Это празднество воспринималось ими как «великое паломничество» (*хадж-и акбар*). Воспоминания об этих торжествах и сопровождавших их ритуалах вошли в агиографические сочинения суфийского братства *бекташийя* — *менакыб-наме*. Герои данных жизнеописаний — Хаджи Бекташ Вели (XIII), Хаджим Султан (XIV), Отман Баба (XV) — сами неоднократно участвовали в паломничестве к мавзолею Сейида Гази и возглавляли суфийские радения, проводившиеся там. Эти церемонии возобновлялись в обители каждый год, судя по всему, из века в век. Шейх обители Сейида Гази носил почетный титул *азам баба* («величественный отец»). Ежегодные собрания, проходившие в обители, наблюдали и европейские путешественники XVI–XVII вв. (А. Менавино, М. Бодье), поделившиеся своими впечатлениями с европейскими читателями. Они полагали, что в этих собраниях принимало участие до 8 тыс. странствующих дервишей, возглавляемых шейхами в белых одеждах, каждый из которых в пятничный день, накануне завершения торжеств, должен был поведать собравшимся о своих странствиях в течение года, о том, какие земли ему удалось посетить, какие обычаи и порядки там заведены и что нового творится в мире.

Странно, что эпический цикл о Сейиде Баттале Гази, сложившийся, вероятно, одновременно с усилением суфийских общин в этих местах, почти не содержит никаких собственно суфийских мотивов, сохраняя верность сугубо героической традиции [Aslanbay, 1953]. Похоже, что этот эпос формировался не в суфийской среде, но внутри словесия гази. В то же время сами бродячие дервиши называли себя «сиrotами Сейида Гази», отдавая себя под покровительство патрона гази.

Известно что абдалы и родственные им суфийские объединения передвигались по стране небольшими группами. Они почти не носили одежды, ходили босыми, отращивали длинные волосы. Их тела были покрыты татуировкой, а также следами от ожогов и ран, наносимых самим себе во время транса. Абдалы сбрасывали бороду, усы, выщипывали брови. Они носили с собой музыкальные инструменты — бубны, рожки, плектры (*дацре*) — и распевали духовные гимны. Эти дервиши держали на плечах топоры, доставшиеся им якобы от хорасанского вождя и борца с несправедливостью Абу Муслима, а в руках несли дубины с искривленным верхом, наследство шейха Шуджи [Osak, Ankara, 1992, S. 112–115]. В XVI в. усилившееся Османское государство стало принимать строгие меры в отношении странствующих дервишей. Расцвет их деятельности в Малой Азии приближался к концу. Борьбу против каландаров и прочих «бродяг» возглавил сначала кадий Сейидгази Мустафа Ишрети (ум. 1566). Затем была сделана попытка назначить в обитель Сейидгази шейха Энвери из умеренного и консервативного братства *накшбандийя*. Убедившись в провале этой инициативы, государство перешло к более планомерной политике интеграции мятежной обители путем включения ее насельников в число дервишей братства *бекташийя*. По сообщению османского путешественника Эв-

лийи Челеби, ок. 1648 г. завийе Сейида Гази уже полностью была заселена дервишами-бекташи. Этому предшествовала, однако, расправа с дервишами-«отступниками» в 1580 г., когда большинство из них было отправлено в заключение в Кютахью, а сама обитель на некоторый период времени обращена в духовное училище — медресе. При этом могли погибнуть имевшиеся в обители записи легенд «маргинальных» суфийских сообществ (если предположить, что такие записи действительно существовали, так как в условиях гонений тайное учение могло передаваться только устным путем — от наставника к ученику).

Обитель суфийского шейха (из числа странствующих дервишей-абдалов) Шуджа эд-Дина Вели долгое время находилась словно бы «в тени» славной и «героической» завийе Сейида Гази. Между тем если эпоним обители Сейида Гази не имел прямого отношения к суфизму, то Шуджа эд-Дин Вели, несомненно, был суфием, одним из тех, кого привлекала к себе усыпальница пира и кто поселился в ее окрестностях. Автор официальной османской агиографической компиляции XVI в. «Шакайик-и Нуманийе» Ташкепрюлюзаде, писавший около 1560 г., упоминает некоего Шуджа эд-Дина Карамани, находившегося в услужении у шейха Хамида Кайсери. Этот Шуджа эд-Дин якобы спас жизнь османскому султану Мураду II (1421–1451), и в память об этом событии султан приказал построить для Шуджи мечеть и завийе в Эдирне, в квартале Даббагар. После смерти этот человек был похоронен в том же месте [Taşköprülüzade, 1934 (1314 h.), S. 94]. Османский биограф XVI в. Лятифи сообщает о Шуджа эд-Дине Карамани примерно то же самое, но настаивает, что он был похоронен в другом месте — в маленькой деревне в 12 часах пути от Эскишехира. Ему известна и легенда о приходе к Шудже знаменитого в свое время еретического учителя Кемалья Умми вместе с другим апологетом крайнего шиизма — поэтом Несими: «Услышан был этот рассказ от *деде* [наставников], что помянутый Кемаль Умми, придя вместе с Несими в *текке* [обитель] Султана Шуджи и проявив непочтительность, принес в жертву барана Баба Султана. Баба Султан, задетый этим поступком, приняв величественный вид, в качестве тайного знака положил перед Несими в подарок ему пилу (*дестере*), а перед тем помянутым — ремень, коим подпоясываются в талии, тем самым дав им указание о способе, которым они покинут этот бренный мир» [Lâtîfî, 1334 h., S. 286]. Этот рассказ показывает, что легенда о взаимоотношениях Шуджа эд-Дина с Кемалем Умми и Несими уже существовала в XVI в., но не позволяет судить о том, стоял ли за этой легендой какой-либо исторический факт.

В легендарном житийном источнике «Вилайет-наме-и Султан Шуджа эд-Дин Баба», сохранившемся в рукописной традиции, говорится о том, что Шуджа эд-Дина окружали люди с прозвищем «абдал»: Абдал Хаки, Абдал Меджнун, Абдал Якуб, Абдал Мехмед и др. Из османских налоговых описей явствует, что обители сообщества Шуджи Баба встречались в ряде районов Малой Азии. В области Сарухан «шуджаи-

там» принадлежала завийе в местности Балабуд, во главе которой стоял Хаджи Пири. Некий Шуджа Абдал в эпоху султана Мехмеда II Завоевателя (1451–1481) в том же *иле* Сарухан расчистил вместе со своими спутниками Дервишем Синаном, Дервишем Исмаилом, Дервишем Муштафой и Кайгусузом пещеру на горе и устроил там обитель (местность Аккая). Названия деревень Шуджалу, Шуджалар в более северных районах (вилайет Худавендигар) также говорят о том, что их жители относились к членам дервишеского сообщества Шуджа эд-Дина. Завийе на имя Шуджа Деде имелась и на севере Болгарии — в городе Рушук.

Детали биографии Шуджа эд-Дина основываются главным образом на его жизнеописании «Вилайет-наме». Именно исходя из данных этого источника турецкие ученые с долей уверенности говорят об участии Шуджи вместе со своими мюридами в походах-газа османского воинства на Балканах; о дружбе Шуджа эд-Дина с знатным османским сановником Али-бегом, сыном Тимурташа, беглербега Румелии. В настоящее время турецкая наука преодолела ошибку ранних турецких исследователей суфизма, пытавшихся отождествить Шуджа эд-Дина с вождем восстания дервишей-*бабаи* в 1240 г. Шуджа эд-Дином Абу-ль-Бака Баба Ильясом (сторонники которого, как известно, назывались *бабаи*, а не *шуджаи*). Предположение о переселении Шуджи и его последователей с территории княжества Караман на земли Османского государства подтверждается его *нисбой*, под которой он упоминается в османских средневековых источниках — Карамани. Согласно народным верованиям Шейх Шуджа был инкарнацией великого героя Сейида Баттала Гази. Возможно, сам шейх претендовал на это, так как подобное отождествление помогало ему набирать сторонников среди бродячих дервишей и воинов-гази. Из жизнеописания мы не в состоянии ничего узнать ни о семье Шуджа эд-Дина, ни о месте и дате его рождения — все это его агиографов совершенно не волновало. В дальнейшем в позднеосманской традиции появились сведения о том, что Шуджа происходил из Хорасана (как и большинство святых-бекташи), что он бежал к Османам от преследований караманского эмира и что он поселился «в пещерах, называемых Черными, поблизости от владения Ильме, что лежит в западном направлении от селения Сейидгази» [Şükrü Vaba, 1334 h., S. 28].

Среди исторических деятелей, с которыми поддерживал отношения легендарный Шуджа эд-Дин, имеются такие, сведений о которых в летописях совсем не сохранилось, — например, некий паша Лачин-оглу. О других мы знаем больше. Так, в житии говорится о встрече Шейха Шуджи с Хаджи Байрамом Вели, основателем суфийского братства *байрамийа*, жившим в Анкаре и скончавшимся в 1429 г. Мюриды, по преданию, отговаривали Хаджи Байрама от посещения столь подозрительной личности, у которой даже лицо совершенно «голое», т.е. выщипаны брови и ресницы, но Хаджи Байрам не послушался их и, прибыв к Шуджа эд-Дину, пировал вместе с ним в течение трех дней [Köprülü,

1976, S. 181]. Шуджа был современником османского муфтия Моллы Фенари и султана Мурада II, с которыми он, по всей видимости, лично не встречался.

В жизнеописании Шуджа эд-Дин предстает как сугубо местный, локальный святой, все деяния которого связаны с селениями и деревнями, входившими в округ Сейидгази — Мелик Гази, Байындырозю, Нигяринчалын, Атлачалын, Чамагач, Каркын, Кырккавак и т.д. (налоговый округ Сейидгази всего включал в себя 76 деревень). Шуджа вместе с сопровождавшими его двумя-тремя сотнями абдалов редко заходил в селения, предпочитая летом оставаться в полях и лесах, а зимой останавливаясь на ночлег в пещерах. Текке Шуджа эд-Дина была основана, вероятно, им самим, но уже на склоне лет. Летом он непрерывно пребывал в странствиях.

Имя Шуджа эд-Дина с почтением поминается во многих духовных стихах (*нефес*, *уляхи*) бекташи и *алевитов*, что подчеркивает его популярность как одного из персонажей «народной религии», могущественного святого-*эвлийа*. Шуджа эд-Дин похоронен в деревне Арсланбейли к западу от Сейидгази, однако имелись и другие места его предположительного погребения (или погребения иных лиц, носивших то же самое имя), находившиеся в Эдирне, Конье и Анталые [Aydin, 1971, S. 213]. Считается, что Шейх Шуджа был современником великого завоевателя Тимура (1370–1405) и способствовал уходу его полчищ из Анатолии. С обителью Шуджа эд-Дина связаны некоторые алевитские сообщества на Балканах, в настоящее время называющие себя *бабаи* и продолжающие почитать Шуджу своим пиром.

Обитель Шуджа эд-Дина состоит из двух групп зданий. Первая группа сложилась вокруг двух гробниц-*тюрге* — самого шейха Шуджа эд-Дина и беглербега Тимурташа-паши. К ним позднее были пристроены мечеть с водоемом и минарет. Во дворе *тюрге* размещается кладбище. Вторая группа зданий, соединенная с первой воротами, состоит из «дома собраний» (*мейдан*) и благотворительного заведения — *имарет*, а также хозяйственных помещений. Кельи дервишей и комнаты гостиницы для странников до наших дней не дошли. Строительная надпись на воротах *тюрге* Шуджа эд-Дина сообщает имя заказчика работ — Касым-бег, сын Бали-бега, его должность (*хаджиб*) и дату окончания постройки — 921 г.х./1515 г. В Эдирне с именем Шуджа эд-Дина связана мечеть Абу-ль-Хайрат, построенная на месте кельи этого суфийского шейха. В Конье *тюрге* Шуджа эд-Дина выстроено на кладбище Мусалла. В Стамбуле также имеется мечеть Шейха Шуджи, возведенная у ворот Балат, скорее всего, в XVIII в.

В конце XIX в. гробницу Шуджа эд-Дина посетил известный немецкий востоковед Г. Якоб. В то время в обители проживало 7–10 дервишей [Jakob, 1912, S. 241]. В 1909 и 1911 гг. был здесь и другой знаменитый востоковед из Германии — Т. Менцель. По его словам, прежде текке Шуджа эд-Дина была главной обителью для 36 окрестных текке,

но в его время связи с материнской обителью поддерживала только небольшая текке Урьян Баба в деревне Языдере в 6 км к северо-востоку от Сейидгази (в ней не было других строений кроме гробницы-тюрбе, и служило там всего двое дервишей). Менцеля поразило экономическое благосостояние обители Шуджа эд-Дина: повсюду в стенах обители складировались зерновые, были развешаны для просушки связки лука, шерсть и кожи. Работала в обители и машина для очистки зерна. Сбор урожая и его подсчет происходили в спокойной обстановке, без каких-либо ссор и препирательств. Т. Менцель отмечает наличие на кухне обители шести медных котлов, в которых в дни месяца *мухаррам* варили пищу и раздавали ее паломникам [Menzel, 1925, S. 205–206]. В большой обители Сейида Гази внимание Менцеля привлекли выходцы из Центральной Азии. Одежда их выглядела необычной и напоминала монгольский наряд. В ответ на его расспросы они сказали, что прибыли из суфийского святилища в городе Аксу (Восточный Туркестан) и что почти каждый год кто-то из их мест посещает гробницу Сейида Гази и другие святыни бекташи в Анатолии.

В «Вилайет-наме-и Отман Баба» (1483) содержится указание на то, что каландарский шейх Отман Баба, проповедовавший в Румелии, считал Шуджа эд-Дина своим пиром (называя его при этом Шефкюлюбегом) и требовал от своих мюридов совершения паломничества к его гробнице («почитайте Шефкюлюбега вашей верой и религией, тогда и я вас возлюблю») [цит. по: Kökel, 2006, S. 152]. И в наши дни последователи Отмана Баба, живущие в европейской Турции и в Болгарии, продолжают исполнять этот завет. В народном сознании оба этих святых воспринимаются как побратимы-*мусахибы*.

В селении Арсланбейли в настоящее время проживают семейства алевитских наследственных наставников-деде, принадлежащих к кланам Шуджа эд-Дина Вели, Сейида Баттала Гази, Пира Ахмеда Эфенди и Кочу Баба (эти подразделения носят наименование *оджак* — «очаг»). Большинство жителей придерживается алевитского вероисповедания.

Комплекс (*кюллийе*) Шуджа эд-Дина расположен в северо-восточной части селения. Каждый год 10 мая в бывшей обители проводятся торжества в честь святого. Последователи оджака Шуджа эд-Дина живут в различных городах Турции — в Эскишехире, Кютахье, Биледжике, Бурсе, Йалове, Карамюрселе, Стамбуле, в европейской части страны (Фракии), в особенности в районе Чорлу. Они есть и в Болгарии (в окрестностях Силистрии). Подчиненными оджаку Шуджа эд-Дина считаются «дочерние» объединения-оджаки Хасан Деде (в Анкаре), Демир Баба, Отман Баба, Муса Баба, Ак-Язылы Султан (в Болгарии).

Автор современного путеводителя по святым местам Турции для бекташи и алевитов А. Кахраман сообщает о Шуджа эд-Дине Вели некоторые сведения, которые могут заинтересовать паломников, направляющихся в его обитель [Kahraman, 2003. S. 148–155]. Автор обращает внимание на сходство архитектуры текке Шуджа эд-Дина с обителью

Сейида Гази, однако отмечает неухоженный вид двора (*мейдан*), поросшего травой. А. Кахраман возводит род Шуджи к восьмому имаму шиитов Али Ризе (возглавлял шиитское направление в исламе в 799–818 гг.). Как и другие составители популярных антологий о жизни святых-эвлийа, она связывает Шуджа эд-Дина с Баба Ильясом и полагает, что Шуджа эд-Дин служил Баба Ильясу в его обители в Месудийе (близ Амасьи). Поскольку Шуджа не принимал участия в восстании бабаи в 1240 г., сельджукский султан якобы высоко оценил его заслуги и назначил его вскоре после этого кадием в Кайсери несмотря на то, что Шудже уже исполнилось 90 лет. Шуджа эд-Дин, согласно путеводителю, лично участвовал в погребении великого суфия Хаджи Бекташа Вели. Сам он дожил до возраста 120 лет. Будучи поэтом, Шуджа сочинил несколько известных гимнов-*нефесов*. Далее А. Кахраман излагает историю прихода в селение Арсланбейли османского полководца Тимурташа-паши, который вместе со своим воинством остановился там на ночлег и испросил благословение у Шуджа эд-Дина. Шуджа приказал сварить в одном котле мясо, а в другом — плов. Сколько бы ни раздавали воинам пищу из этих котлов, их содержимое не уменьшалось. Возвратившись после войны с блестящей победой, Тимурташ решил посвятить остаток своей жизни служению пиру. Выйдя в отставку, он якобы изменил свое имя на Муруввет Али-паша и поселился в деревне рядом с Шуджа эд-Дином. Он распродал все свои богатства и на эти деньги возвел усыпальницу-тюрбе и другие здания обители. Среди других мест поклонения А. Кахраман указывает на находящиеся в сотне метров от обители узилище (*чиле-хане*), в котором Шуджа эд-Дин предавался сорокадневному самоистязанию — *чиле*, и святой источник — *земзем*.

При сопоставлении данных «Вилайет-наме-и Шуджа эд-Дин» с другими источниками и сведениями, сохранившимися в традиции, создается впечатление, что нынешние деде из оджака Шуджа эд-Дина на самом деле являются потомками не самого этого святого, а преданного ему высокопоставленного мюрида — Тимурташа-паши. Сами себя они называют «династией Тимурташа» (*Тимурташ сюлялеси*). Из числа членов этого семейства избирается *постнишин* — «сидящий на шкуре», т.е. верховный наставник данного оджака.

Действующий постнишин общины Шуджа эд-Дина — Невзат Демирташ Деде — направил в Анкару, в Центр исследований турецкой культуры и Хаджи Бекташа Вели при университете Гази, ряд рукописных источников из обители (вакуфных документов, султанских указов, грамот-*иджазе*, патентов-*берат* и т.д.), которые в настоящее время изучаются турецкими специалистами и частично опубликованы [Yılmaz, 2006, S. 7–47]. Из напечатанных документов видно, что настоятели трех близлежащих обителей — Сейид Гази, Шуджа эд-Дин и Урьян Баба — поддерживали друг друга и действовали в союзе один с другим. Все три обители распоряжались вакфами, из которых наиболее значительным

был вакф «Султан Шуджа Баба». Высшей инстанцией для настоятелей текке Шуджа эд-Дина были *челеби* — потомки (истинные или мнимые) Хаджи Бекташа Вели, проживавшие в обители Хаджи Бекташа в провинции Кыршехир, которых они считали своими пирами. Оттуда настоятели текке получали священные регалии, подтверждающие их полномочия, — скатерть (*софра*), светильник (*чераг*) и «камень покорности» (*теслим таши*), отличительный знак братства бекташия, носимый дервишами на груди.

Имя Шуджа эд-Дин встречалось, скорее всего, и среди так называемых потомков святого: об этом свидетельствует документ № 1 из числа опубликованных Х. Йылмазом в 2006 г., в котором упоминается Сейид Шуджа эд-Дин Султан Вели, по прозвищу Пир-и Фани («Старец забвения»), скончавшийся в 1255 г.х./1839 г. в возрасте 90 лет и оставивший после себя четырех сыновей. Возможно, память об этом Шуджа эд-Дине (наделенном, как и его предполагаемый предок, высокими титулами «Султан» и «Вели») смешалась в умах потомков с преданиями о первом Шуджа эд-Дине, жившем в XV в., что повлекло совершенную путаницу в их головах, приведшую к слиянию обоих этих лиц в один образ. Судя по имеющимся в наличии патентам-бератам, Шуджа Деде (Шуджа эд-Дин II) получил назначение на должность настоятеля обители Шуджа эд-Дина и титул *халифе* в 1206/1791 г. Таким образом, Шуджа Деде стоял во главе этой обители в течение 48 лет. Это подтверждается и грамотой, выданной султаном Махмудом II (1808–1839) в 1243 г.х./1827 г., в которой говорится о том, что настоятели трех обителей бекташи — Сейид Гази, Шуджа Баба и Урьян Баба — были вызваны в шариатский суд для проверки (*истифсар*) правоверности их религиозных взглядов. Шуджа Деде и настоятель текке Сейида Гази Пир Мехмед Баба были оправданы и их отпустили с миром, а настоятель текке Урьяна Баба — Бенде Али Баба — объявлен безбожником. Шуджа Деде полностью отрекся от бекташизма и вступил в поощряемое османскими властями братство накшбандийа. За это ему были возвращены должность настоятеля обители и право распоряжения ее имуществом. Так же поступили и с настоятелем текке Сейида Гази. Обитель Урьян Баба решено было обратить в медресе и изгнать оттуда дервишей. Из этого же документа мы узнаем, что отцом Шуджи II был некий Дервиш Мехмед Али. Шуджа исполнял, согласно грамоте 1827 г., не только обязанности настоятеля, но был также и смотрителем вакфа (*мутасарриф*). Создается впечатление, что обитель Шуджа эд-Дина не сильно пострадала от гонений, направленных против бекташи, предпринятых султанским правительством в 1826 г. и охвативших Анатолию и Румелию.

Из султанского указа, датированного 1241/1825 г., мы узнаем, что дервиши текке Шуджа Баба получали налоги с некоторых деревень в округе, причем эти налоги делились между ними и владельцем *тима-ра* (феодалного пожалования), из-за чего возникали споры и недоразумения. Указанные деревни располагались довольно далеко от самой

обитатели — в окрестностях города Шухут, подчиненного паше Карахисара (т.е. более чем в 100 км к югу от селения Арсланбейли).

Текст «Вилайет-наме-и Султан Шуджа эд-Дин Баба», сохранившийся в небольшом количестве рукописей, впервые представил турецкой научной общественности О. Кепрюлю в 1972 г. [Köprülü, 1972, S. 15–184]. Недатированная рукопись этого памятника, хранящаяся в библиотеке музея Хаджи Бекташа под номером 168 («Шуджа Баба Вилайетнамеси»), была проанализирована и подготовлена к публикации Ш. Эльчином [Elçin, 1984, S. 199–218]. Позднее была обнаружена еще одна рукопись Новейшего времени (заполненная от руки тетрадь, содержащая также собрание духовных стихов-*джонк*), переписанная в селении Шуджа Баба (Арсланбейли) некой Зелихой Коч Баджи в 1938 г. Эта рукопись была опубликована в современной турецкой транскрипции А. Йылдыз в 2006 г. [Yıldız, 2006, S. 49–97]. Именно на основе этой публикации и сделан наш перевод памятника, который мы предлагаем ниже. Текст его неоднороден: он состоит из 14 прозаических отрывков и трех стихотворных частей с одинаковыми подзаголовками (*хикяйет*, т.е. «рассказ»), кроме двух последних частей, носящих названия соответственно «Рассказ о Султানে Шуджа эд-Дине Баба, да освятит Господь его драгоценную тайну» и «Речь Ходжи». Стихотворные части написаны в форме *месневи*. Рукопись выполнена почерком *рик'а*. На каждой странице рукописи — по 19 строк. Всего в ней 219 страниц. Стихотворные части в этом варианте «Вилайет-наме» обширнее, чем в опубликованном Ш. Эльчином (7 листов, включающих «Речь Ходжи», в его издании отсутствуют).

Жизнеописание Шуджа эд-Дина создано, как полагают, в XV в., через некоторое время после кончины этого суфия (о которой, впрочем, в тексте ничего не сказано). Шуджа эд-Дин показан в этом сочинении современником султана Мурада (Второго); его сына Ала эд-Дина; Али-бега, сына Тимурташа-паши; эмира Карамана Мухаммед-бега; тюркских поэтов Кайгусуза Абдала, Кемаля Умми, Несими; шейха Хаджи Байрама Вели, муфтия Ибн Фенари. Все это говорит о том, что Шуджа скорее всего жил в первой половине XV в. «Вилайет-наме» по жанру близко произведениям народной агиографии¹. Оно складывалось, скорее всего, на основе устного жития подвижника и по этой причине лишено внутреннего единства. Приведенные в сочинении истории о Шуджа эд-Дине практически не связаны одна с другой, каждая из них образует самостоятельный рассказ; первоначально, по-видимому, все они функционировали отдельно друг от друга. Главным героем всех рассказов (*менкабе*) выступает Шуджа эд-Дин, но второстепенные персонажи меняются. Предназначение этих лиц — только лишь быть свидетелями чудесных деяний, совершенных самим Шуджой и его ближайшими учениками.

1 | Об этом жанре и его особенностях см.: [Мороз, 2009, с. 13–138].

Шуджа Баба — типичный «народный святой», наделенный чертами первопредка языческих времен. Его охраняют волки, которым он выделяет их долю из скота (ср. схожие верования у христианских народов, связанные с образом Св. Георгия — покровителя стад и повелителя волков [Веселовский, 2006, с. 124–140]). Перемещения Шуджи с места на место описываются глаголом «плясать», «играть» (*ойнамак*), что сближает его с шаманами. Он не просто ходит, а как бы движется в непрерывном танце. Как святой, Шуджа не испытывает греховных помыслов, и на месте половых органов у него растут три розы (символ целомудрия, безбрачия, духовной чистоты). Святой постоянно посещает высочайшее собрание у Бога, где он узнает обо всех грядущих событиях. Взору старца открыто все, что находится в земных недрах (клады, золотые жилы, запасы воды), как и все помыслы в сердцах людей. Внутренним взором он отыскивает пропавших животных. Шуджа постоянно восседает в сосновой роще, под вечнозеленым сосновым деревом, символом бессмертия, будучи погружен в созерцание. Он общается со своими послушниками на «языке без слов». Мистическая сила старца заставляет сосну плодоносить (на ней вырастают то цветы, то плоды). Сосновая роща (Кыркларчама) посвящена Сорока невидимым святым — покровителям суфиев.

О внешнем облике Шуджи мы почти ничего не узнаем из жития, кроме того что он сбрасывал волосы и бороду, выщипывал брови и ресницы (как и каландары). Шуджа носил с собой войлок, на котором он сидел и в который иногда закутывался, дубинку с искривленным верхом (как и отшельники-даосы в Китае) и наделенную мистической силой плеть (наподобие среднеазиатских шаманов). Шуджа, подобно индийским йогам, обладал внутренним жаром (*манас*), благодаря чему вокруг его тела в холода образовывалась теплая «аура». Без одежды его тело не отбрасывало тени. Султан Шуджа всегда приходил на помощь «падшим», отвечал на все просьбы, обращенные к нему пусть даже мысленно, раздавал народу «пищу силы». Шуджа мог наградить преданно любящих его людей потомством. Он заботился и о том, чтобы люди не причиняли вред другим живым существам (например, рыбам). Вообще этот святой был тесно связан с водной стихией и часто совершал мистические погружения. Он мог сам принимать облик животного (оленья, сокола, барана). Проводя обряд посвящения над иранским суфием Баба Меджнуном, Шуджа превращает его в «козерога», которого затем убивают, варят в котле, промывают ему кости; затем его вновь воскрешают. Другим видом обряда посвящения было засыпание мюрида с головы до ног мелкими камешками (галькой), что сопровождалось вхождением в транс. Как и другие странствующие дервиши, Шуджа (Султан Варлыгы) разделял веру в перевоплощение душ. Шуджа мгновенно перемещался в Индию и обратно (чудо *тай-и макян* — преодоления пространства). Шуджа спас от бури корабль торговцев в Индийском океане, призвавших его на помощь. Точно так же им спасен был «на расстоянии» военачальник Али-бег. Иногда он занимался левитацией (рассказ о Юнли

Самуде). Шуджа намекал на свое бессмертие, на то, что он уже приходил на Землю в образе первого человека, Адама, и потом в образе превозносимого шиитами величайшего святого — имама Али.

Султан Шуджа устанавливал почитание священных источников («Если кто придет сюда и омоется этой водой, тот будет, ради лика старца, оправдан перед диваном Друга и избавлен от мук ада»). Он проповедовал любовь к наставникам-пирам, которая, по его мнению, очищает от всего дурного. Все, что исходит от пира, является священным, не исключая и его испражнения (см. рассказ об Абдале Мехмеде). Взгляд Султана Шуджи обладал мощным гипнотическим воздействием. Шудже повиновались другие святые люди Анатолии («страны Рум»); впрочем, особых конфликтов между ними, судя по тексту жития, не возникало. Шуджа отказался сделать своим послушником светского правителя — Али-бега, сына Тимурташа, и не разрешил своим дервишам принимать от него подношения и деньги, которые в его глазах не имели никакой цены. Шуджа отрицал идею самообожествления, сторонниками которой были его оппоненты — адепты учения крайних шиитов в лице поэтов Сейида Несими и Кемалья Умми (им он предсказал казнь)².

Шуджа не сталкивался с представителями османских властей, однако он таинственным образом умертвил духовного судью, избившего его дервишей за несоблюдение поста (вместо мусульманского поста Шуджа иногда практиковал полное сорокадневное голодание, которое помогало раскрыть врата иных миров). Суфийское сообщество Шуджи вызывало подозрения у высшего духовенства Османского государства (рассказ о Молле Фенари). Иногда Шуджа вмешивался в политические события (с целью предотвратить кровопролитие). Согласно житию, он остановил с помощью своих учеников — «трех Самудов» — нашествие Тимура на Анатолию (явно фольклорный мотив) и предсказал присоединение Караманского бейлика к Османскому государству. Ученики Шуджи также получают от него дар творения чудес и расходятся по разным областям Анатолии.

Легенды о Шуджа эд-Дине создавались первоначально в прозе (хотя имеются также и посвященные ему духовные стихи). В рукописи, текст которой опубликовал А. Йылдыз, содержится бейт, указующий на имя возможного автора обработки жития:

О, Эсири, если эти слова будут повторяться
до Страшного суда [до дня воскресения];
Как же наступит Страшный суд, пока не закончены они.

Переписчиком данной рукописи являлся, судя по всему, Дервиш Мухаммед ибн Баттал, чье имя стоит в самом конце текста рукописи.

2 | Согласно «Тезкире» Лятифи, Кемаль Умми родился в Ларенде, в области Караман, был одним из числа суфиев (дервишей). Шуджа эд-Дин предсказал ему смерть через повешение (в наказание за убийство его «тотема» — священного барана) [см.: Сапип, 2000, S. 470–471].

ТЕКСТ «ВИЛАЙЕТ-НАМЕ ПОЛЮСА ПОСТИГШЕГО (КУТЬ АЛЬ-АРИФИН) СУЛТАНА ШУДЖА ЭД-ДИНА БАБА»

Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного.

Султан Варлыгы³ гонял овец пастись в поле. Куда бы он ни пошел, за ним следовали три волка, охраняя его. Султан же поручал овец этим волкам. Сам же он шел туда, где был сад, и сидел там. Он разговаривал на языке, не имеющем знаков (*би-нишан*). [Люди] пришли, посмотрели, что Султан сидит там, и овец рядом с ним нет. Они бросились по горам искать их, крича: «Ох-ох, наших овец задрал волк!» Придя туда, они увидели, что овцы пасутся в горах. Они заметили, что те волки пасли овец как полагается, и, забрав своих овец, возвратились домой. Те, кто возлюбил Султана (*мухиб оланлар*), знали о том, какие дела творятся благодаря близости к Богу (*велайет*). Но и тем, кто отрицал его, Султан Варлыгы говаривал: «Детушки (*кечегюм*), вы идите, занимайтесь тем, что для вашего блага, а старец (*пирлер*, букв. «старцы») за вашими овцами присмотрит». Они отправлялись по своим делам. Султан Варлыгы снова отдавал приказание волкам. Они овец отводили, а он сам оставался сидеть на одном месте. [Люди] пришли, смотрят, — Султан сидит, а овец нет! Они сказали: «Горе нам, мы поручили свое добро дерзкому человеку, и оно ушло из наших рук». И отправились искать овец. Обнаружили их в горах. Увидели, что волки их пасут. Они [люди] удивились, сказали: «Что за премудрость (*хикмет*), что за тайна в этом, ведь даже наши сыновья, плоть от плоти нашей, не обращаются с нашим добром по-честному [а тут хищные звери никакого вреда стаду не причиняют]». Султан Варлыгы внушил волкам праведность (*тогрылук*), поручил им пасти овец, вот и все.

Рассказ (хикайет). Есть место, известное как Байындыр Ози, и там был *бахадыр* по имени Канлу Мелик-бег. Султан [Шуджа] часто бывал у него в доме, но народ там был из числа отрицающих (*мюнкир*). Они поговаривали: этот дервиш ходит к нему домой и с его женой делает то-то и то-то. Однажды они ему сказали прямо в лицо: «Тот дервиш в твоём доме чего-чего только не делает, твою жену пользуется». А тот богатырь был человек страстный (*генюллю*). Гнев помутил его взор. Он забыл все [хорошее], что получил от Султана Варлыгы, он вынул стрелу и взял в руки лук, говоря: «Ладно, пойду-ка, этого дьявола (*иблис*) поражу стрелой, умерщвлю». Он пришел, видит, что пресвятой Султан сидит под грушевым деревом, прислонившись спиной. Как только богатырь увидел Султана, злой умысел вылетел из его сердца. Султан Варлыгы сказал ему: «Подойди, детушка, старец тебе натрясет груш с дерева». Султан Варлыгы взобрался на дерево, снял с себя пояс, бросил его вниз, остался голым, а тот богатырь снизу вверх посмотрел на него. Видит, что у Султана вместо срамных мест (*уд*) растёт белая роза поверх двух

3 | Султан Варлыгы («Сущность Повелителя») — прозвище Шуджа эд-Дина Баба, под которым он чаще всего фигурирует в тексте «Вилайет-наме».

красных роз. В сердце богатыря в тот же миг никакой тяжести больше не осталось. Бросился он лицом на землю, стал умолять: «Я последовал наветам лицемеров, пришел к тебе с дурными намерениями». Султан же отвечал ему: «Детушка, у старцев подобной похоти не бывает, старцы — это непросверленная жемчужина, клянусь Луной и Солнцем!» Сказал так и пошел с миром.

Рассказ. Султан Варлыгы в тех местах часто бывал, в Султан Сейидгази часто бывал, в Меликгази часто бывал. В Нигярынчалы, в Атлучалы, в Чамагаче часто бывал и во всех перечисленных местах много шаманствовал (*ойнарды*). И ночью и днем обнаруживал свою святость вблизи этих мест. Однажды он сидел под одинокой сосной, венчавшей собой холм, покрытый сосновым лесом. Пришел к нему мужичонка, стал просить его: «Мой Султан, в нашу деревню пришла смертельная болезнь; у меня детишки есть; защити их, пусть спасутся, если будет на то воля Аллаха!» Султан Варлыгы натянул на один миг на голову войлочное покрывало, потом опять открыл лицо и сказал тому человеку: «Детушка, у тебя вроде бы семь детишек есть; с тех пор как ты сюда пришел, старец семь раз поднимался в собрание Друга [Бога], и каждый раз нам отдавали по одному ребенку. Но в последний раз нам сказали: «Слово Султана исполнилось, теперь же нужно исполнить и слово Величайшего». Есть у тебя хроменькая дочка, ее взяли в жертву. Через три дня она должна переселиться в мир иной». А у того человека было шесть сыновей и сверх того та самая дочка-хромоножка. Тот человек пришел домой и приготовился к тому, что было предречено. Через три дня девочка умерла; и вот, в той деревне смерть скосила столько людей, но сыновьям этого человека никакого вреда не было.

Когда тот человек удалился, подошел к Султану еще один человек и сказал: «Султан, ты знаешь обо всех затруднениях. У меня есть пять верблюжат. Ночью я уснул, и пришел вор, забрал их, угнал». Султан ответил: «Иди, детушка, позади Нигярынчалы есть ущелье, в котором лежит верблюд. Два человека увели его туда и, привязав его, спят рядом с ним; иди туда и возьми». Тот человек пошел туда и видит в том месте, о котором говорил Султан, привязанного верблюда и рядом с ним двух воров. Верблюд, завидев хозяина, побежал к нему, хозяин же, взяв его, отправился в обратный путь. Он восхвалял достоинства (*эрлик*) Султана. После этого народ собрался (*дирилди*) перед ликом Султана, стал спрашивать его: «Что ты делаешь?» Тогда он взобрался на сосну, под которой до этого сидел, стал трясти ветки одну за другой, и вниз стали падать яблоки. Стоявший там народ начал собирать их и есть. Они складывали их себе за пазуху, говоря: Султан нам дает вкушать «пищу силы» (*кудрет локмасы*). Они возрадовались и радостные ушли с миром.

Рассказ. Между тем Султан ушел оттуда и направился в Кырklarчамы. [Люди] видели, как некий человек с плачем подошел к нему, поцеловал его руки и ноги и сказал: «Мой Султан, твоя сила властна и в этом мире, и в потустороннем, ты — муж, исполняющий желаемое.

И у меня есть пожелание к твоей милости». Пресвятой Султан спросил: «Какое у тебя пожелание к старцу?» Он сказал: «Мой Султан, я задолжал деньги; к тому же у меня большая семья, дети просят есть. Сегодня придет заимодавец, схватит меня, начнет истязать. Нечего мне дать ни заимодавцу, ни своим детям на пропитание (*нафака*)». Султану тогда он сказал: «Защити меня (*химмет эйле*), исполни мое желание; ты исполняешь желания стольких людей, спаси же и меня от этой беды!» Султан же взял в руки палку (*тайаг*), копнул ею землю, вырыл ямку, из-под земли показалось горлышко кувшина. Из кувшина посыпалось чистое золото. Султан спросил: «Если наполнишь свой подол [золотом], этого хватит?» Он сказал: «Хватит, мой Султан». Султан же наполнил подол этому человеку и сказал ему: «Теперь ступай, детушка». Тот человек пустился в путь, а тот кувшин исчез. Султан же с того места ушел [букв. «утанцевал» — *ойнады*]. Человек же на следующее утро после возвращения домой подумал: «Пойду-ка я, возьму, сколько мне вздумается, из того клада!» Он взял лопату (*казма*) и пошел туда. Стал копать в том месте, где он видел клад, но ничего не смог найти. «Наверно, я перепутал место», — подумал он и стал перекапывать все кругом. И в тот час перед ним появился Султан. Он сказал: «Хватит вам того, что вы просили. Ваша доля изменяется [?], алчность человека делает низким». Тот человек устыдился Султана, а Султан оттуда удалился. Он остановился в роще Белюкчам напротив деревни Караджа. Ибо Султан в деревнях надолго не задерживался, останавливался на привал вдали от селений. Жители деревни собрались вместе и так пребывали. Они увидели, что вдалеке *абдалы* улеглись спать, и только один пресвятой Султан сидит [среди них]⁴. Один порицатель сказал: «Что, если бы Султан этим спящим *абдалам* настучал палкой по спинам?» Эти слова стали известными пресвятому Султану. Он выпрямился и по очереди ударил палкой всех *абдалов*. *Абдалы* все вскочили спросонья. Стали друг с другом переговариваться: «Что мы такого сделали, интересно, что Султан нас всех побил палкой?» Султан же им сказал: «Детушки, ваша боль по причине того, кто сказал — пусть Султан встанет и даст каждому удар палкой». Жители деревни стали упрекать того человека, говоря: «Что ты за злодей, что по твоему слову Султан стал бить этих дервишей?» Потом Султан, сидя там, сказал: «Детушки, запах друга доносится к старцу вместе с дымом большого костра». Он поднялся и ушел оттуда. Прибыл к гробнице Сейида Гази Султана. Каждый раз, когда он приходил туда, в усыпальнице открывались невидимые двери, и Султан Варлыгы заходил внутрь. Они сидели и разговаривали на языке без слов. Султан там просидел три дня. Потом вместе со своим сообществом (*джемаат*) отправился в деревню Каркын. В тот день было очень холодно. Султан остановился в пустынном, голом месте. Одним из чудесных деяний Султана было то, что, когда он в холодный день садился где-нибудь, то

4 | Здесь впервые говорится о том, что Султана Шуджу сопровождали дервиши-*абдалы*. В четырех предыдущих эпизодах он предстает одиноким странником.

вокруг него благодаря его экстазу (*джезбе*) образовывалась площадка, куда холод не проникал. *Абдалы* садились в кружок вокруг Султана. Другое чудо Султана заключалось в том, что, если он был обнажен, тень от его тела не падала. Еще одно чудо в том, что он всегда протягивал руку падшим (*дюшмишлер эли альджы иди*). Султан в тот день отдыхал. Один человек из той деревни принес жертву к их столу. Султан сказал: «Детушки, приготовьте *кешкек*!» Они из этого жертвенного животного приготовили *кешкек*, поели. На следующий день Султан, взяв в руку посох, встал и сказал: «Детушки, нашелся бы какой-нибудь состоятельный человек, который прокормил бы нас в эту зиму!» В то время при нем уже было две сотни *абдалов*. И никто из них ему не ответил. Он видит, что никто не дает ответа. Кюрт Баба сказал: «Мой Султан, кто может быть богаче тебя? Наверно, опять тебе придется кормить этих бедняг (*гариб*)». Султан Варлыгы повернулся и бросил взгляд на Кюрта Баба и сказал: «Правду (*раст*) ты говоришь, Черный Отрок (*Караджа Оглан*), правду»⁵. Покинув то место, направились в пещеру. Зашли внутрь, сели там. Он [Шуджа] сказал: «Устройте очаг, детушки, старец здесь будет зимовать». *Абдалы* сделали очаг, и Султан Варлыгы провел всю зиму в пещере. В один из дней одна женщина (*баджи*) захотела пройти к Султану. Она подошла и сказала: «Перед ликом Султана каждый человек достигает желанного, и я тоже хочу предстать перед взором Султана, а желание мое таково: у Султана много ведь юродивых с безумным (*диване*) сердцем, пусть даст мне одного, чтобы я исполнила с ним то, чего хочу». Те, кто приходили к Султану, держали свое желание скрытым в сердце. Султан же сам читал в их сердцах и объявлял им. И вот она пришла и села напротив Султана, думая о своем намерении. Султан посмотрел в ее сторону и произнес: «Дитя, потерпи еще немного, и я дам тебе то, что ты пожелала». А внизу той деревни проходила большая дорога, и по той дороге шли три путника, разговаривая между собой: «Говорят, здесь есть один святой муж (*эр*) по имени Султан Шуджа эд-Дин, и он знает все, что скрыто в сердце любого человека». Один из них сказал: «Пойдемте, мы тоже загадаем трудное желание, и если он в самом деле настоящий маг, он даст нам то, чего мы пожелали». Другой спросил: «Какое же трудное желание нам загадать?» Первый человек ответил: «Давайте попросим у него слугу для нас, посмотрим, сможет ли он дать?» И с таким невежественным помыслом предстали они перед Султаном. Султан вышел из пещеры и поднял руку: «Подойдите, несчастная чернь!» — сказал он им. Они же, устыдившись, подошли и стали пред его лицом. Он подозвал ту женщину и подвел ее к ним. «Вот пришли те, кого ты хотела», — сказал он ей. Путники двинулись в дорогу, увидев воочию святость Султана.

В той же деревне был один человек. Он ловил рыбу. Султан сделал ему благое внушение (*нефес*), сказав: «Нехорошо причинять столько

5 | Поскольку Кюрт Баба, по-видимому, был курдом и отличался смуглостью, Султан Шуджа, обращаясь к нему, называет его Черным (т.е. «смуглым») Отроком (*Караджа Оглан*).

вреда этим птенчикам!»⁶ Но тот человек, не приняв внушения Султана, каждый день продолжал ловить рыбу. И однажды он пошел к реке и раскинул свои сети в воде. В сети что-то попало. Он стал тянуть, но не мог вытянуть. Привязав конец сети к дереву, он побежал в деревню и объявил всем: «В мою сеть попала такая рыба, что я стал тянуть ее к берегу и не смог вытянуть! Ее хватит на всю деревню, пойдете туда, достанем ее!» Жители деревни последовали за ним туда, где была сеть. Они взялись за сеть, потянули все вместе и только что вытянули на берег, как сеть вновь стремглав ушла под воду. И так они тащили сеть, пока совсем не устали, и тут из сети показался Султан. Он сказал: «Детушка, старец тебе делал внушение насчет твоей сети; теперь ты стал постигшим (*эрмиш*)!» И он тотчас ушел, а тот человек раскаялся и больше уже рыбу не ловил, отказался от этого, вот и все.

Рассказ. Султан провел ту зиму там, а когда вот-вот должна была настать весна, сказал: «Детушки, [до меня] доходит аромат земли старцев, Кумкырана». Он встал, отправился туда, в то место, где сейчас находится его могила. Там он зачерпнул (*шунду*) рукой пригоршню земли и сказал: «Детушки, это запах полей старца». То место было заброшенным, сухая степь, наподобие равнины Кербелы. Султан Варлыгы поселился в том месте и обратился к абдалам: «Детушки, сюда никого не пускайте, старец будет здесь ходить-гулять». По наитию Султана абдалы тоже поселились там, но воду они носили издалека. Ибо кругом царила засуха. Абдалы однажды про себя подумали: «Раз Султан устроил здесь обитель, хорошо бы, чтобы он и воду нам пожаловал». Султан обернулся, бросил взгляд (*назар*) на абдалов и сказал: «Детушки, у старца воды много, пойдете, достанем-ка ее!» И пошел. Подошел к месту, где теперь течет Масляный источник (*Яг бунары*), осмотрел его. Воткнул посох в землю, потянул. Из-под посоха потекла вода. Он сказал: «Теперь копайте, детушки». Абдалы принялись копать, отовсюду брызнула вода. Они напились. Масляным же этот источник называют вот почему. В Хорасанском царстве есть пустынное место, называемое *берийе*, в трех днях пути находится место праздника (?). Один из святых людей Аджамы [Ирана] славный старец по имени Баба Хаки жил там. Несколько абдалов, путешествуя днем, сами того не замечая, оказались в той пустыне. Они хотели пойти в другую сторону, но тут их застала буря. Они сбились с пути и не знали, куда им податься. У них не осталось сил (*меджаль*). Они нашли углубление в земле и, зайдя туда, целую неделю пережидали там. Они не могли выйти оттуда и не знали, куда им идти. Надежда покинула их души, но вдруг они увидели перед собой усталую лань, которая еле дышала, высунув язык. У нее уже не было сил убежать [от людей]. Они сказали: «Эта лань немощная. Кто знает, кто за ней гнался, лев или барс? Надо бы нам ее схватить». Они побежали за ней, настигли ее, подмяли ее, связали ей ноги своими поясами и хоте-

6 | Султан Шуджа сравнивает этих рыб с птицами, поскольку, по-видимому, для него нет особой разницы между полетом и плаванием в глубине вод.

ли перерезать ей горло. Но лань, встрепенувшись, вырвалась из их рук, помчалась, разматывая на ходу их пояса. Они погнались за ней, думая: «Ага, сейчас снова схватим!» Лань убегала, а они неслись вслед за ней, думая, что вот-вот схватят ее. И так они добрались до какой-то деревни. Лань-дервиш пропала с глаз долой, как только вдаль показалась деревня. Они сказали: «Это была не лань, а один из святых, который пришел нам на помощь в столь затруднительный час». Придя в деревню, дервиши рассказали о том, что с ними произошло. Через некоторое время Баба Хаки отправился в страну Рум. Придя в Рум, он явился перед лицом пресвятого Султана Баба вместе с тридцатью абдалами. В тот день к Султану пришли также сорок старцев, в подчинении у которых было у кого десять, у кого двадцать, у кого тридцать абдалов. Султан Варлыгы, сидя, расспрашивал каждого по очереди о том, что с ним произошло. Он повернулся, посмотрел в лицо Баба Хаки и сказал: «Детушка, вы хотели старца схватить и съесть». Баба Хаки задумался и спросил: «Что означает эта загадка Султана?» Султан Варлыгы пояснил: «Когда вы остались без поддержки в той пустыне, старец вам тогда доставил помощь. Превратившись в лань, он пришел, а вы намеревались перерезать ему горло, набросили путы ему на ноги. Старец, избавившись от ваших рук, указал вам путь к деревне. Возьмите назад свой пояс!» Говоря так, он бросил [пояс] Баба Хаки. Баба Хаки увидел, что это тот самый пояс, который он набросил на лань, и история — та самая, которую они пережили⁷. Баба Хаки от чистого сердца сказал: «Мы хотим, чтобы муж, подобный вам, был нашим заступником и в том и в этом мире!» И тотчас он вместе со своим сообществом отдал себя под покровительство Султана. В те дни Султан Варлыгы, сколько бы пищи ни приносили ему, назавтра ничего не оставлял. Съестного как раз было достаточно для того сообщества, и риса, и масла, ничего лишнего не было. У пресвятого Султана был повар, которого называли Щедрым (*Джемерд*), и вот он пришел, из имевшегося риса сварил плов, растопил масло, залил им плов. Но масла не хватило, и он не знал, что ему делать, и устыдился. И в таком состоянии его застал Султан и сказал: «Идите, детушки, принесите столько воды, сколько вы масла вылили в плов». Они пошли, принесли воды, вылили в плов, и он стал таким жирным, будто это было масло. И с тех пор тот источник назвали Масляным. Вот и все.

Рассказ. Был старец из святых людей Аджамы. Звали его Баба Меджнун. Старец однажды отправился в путешествие в Рум. Он прибыл в Рум, но к какому бы постигшему он ни обращался, никто не желал его принимать. И вот вместе с сорока абдалами он предстал перед Султаном. Султан Варлыгы сидел в сосновой роще (*чам бахчесинде*). Дервиши окружали Султана и вели с ним беседу на языке без слов. Баба Меджнун, также сидевший там, вдруг превратился в козу и помчался к сообществу дервишей, на ходу немного спотыкаясь. Пресвятой Султан

7 | В данном рассказе прослеживается явная связь с тотемистическими верованиями: лань-олень одновременно является старцем-защитником, своего рода первопродком-тотемом.

сделал знак: вылейте на голову этому дервишу таз с водой. Вылили на него таз воды, и он снова принял человеческий облик, сел на свое место. Он потерял дар речи, засмутился. Тогда Султан подал знак Юнли Самуду: спроси, детушка, у того собрата, зачем он превратился из человека в животное? Юнли Самуд воскликнул: «Абдал, ты ведаешь о том, что с тобой сейчас творилось? Ты перешел из человеческого образа в образ животного!» Баба Меджнун ответил: «Мне ведомо о моем состоянии, что вот, когда я сидел, я стал вдруг небесным козорогом (*гекче оглак*). Султан повелел, чтобы меня зарезали. Меня прикончили, содрали мою шкуру, отрезали мне голову и оставили ее в стороне, рассекли мне живот и вынули мои внутренности. Султан сказал: «Очистите его живот и внутренности, чтобы ничего [грязного] не осталось». Все мои внутренности разделили, очистили и по приказу Султана положили в котел. Сварили в котле мое мясо и съели, но голову оставили. Мои кости обглодали и сложили в одном месте. Голову мою положили на них сверху. Я стал козлом и очнулся, вскочил. Потом Султан велел: «Принесите таз с водой и вылейте ему на голову». Принесли, вылили мне на голову. И я превратился вновь в человека; вот таково мое состояние. Я дал ответ обо всем, что со мной было». Когда он сказал так, Султан Варлыгы воскликнул: «Детушка, твое перевоплощение было бы таким, как ты видел; ныне тебя от этого воплощения освободили»⁸. И он [Баба Меджнун] признал достоинства Султана и бросился ему в ноги, припал к его руке. Вместе с сорока абдалами предал себя на волю Султана. Ранее, за три дня до этого, Султан брился сорок раз подряд. Никто не знал о значении этого знака, но в конце концов догадались, что это было знамение (*ремз*), и все.

Рассказ. Однажды Султан Варлыгы, сидя в сосновой роще, сказал: «Детушки, у старца вон там осталась золотая печать (*сикке*). И, кроме того, наш золотой ковшик и золотые стремяна там хранятся, возьмем их». Они встали и пошли к месту, которое сейчас носит название Медовый источник (*Бал бынары*). «Вот об этом месте говорил старец. Теперь начинайте копать». Стали копать, прыснула вода. Еще копали, копали, нашли золотой ковшик. Принесли его Султану, он же сказал: «Копайте, детушки». Стали копать, выкопали шпоры и стремя. Он сказал: «Еще копайте». Копали, пока не показался водоем. Наполнили таз водой, принесли Султану. Султан испил и сказал: «Детушки, это похоже на мед. Пусть этот ключ называется Медовым источником. Если кто придет сюда и омоется этой водой, тот будет, ради лика старца, оправдан перед диваном Друга и избавлен от мук ада». После переселения Султана в мир иной Али Челеби, сын Тимурташ-бега из курдов Чакамуз (?), стал преданным поклонником Султана. Он сказал: «Мне пристало хранить памятный подарок от моего *пир*, отдайте!» Говоря так, он напал на дервишей и отнял [клад?] у них. Сын Тимурташа называл Султана

8 | Как известно, вера в переселение душ была широко распространена среди различных групп маргинальных дервишей (каландаров, абдалов, хайдари, джавлаков).

своим пиром вот почему. Некогда кафиры напали на земли ислама, беги объединились, чтобы дать отпор. Сын Тимурташа упал с лошади в гущу сражения и остался один на один с кафирами. В этот момент он закричал: «На помощь, Султан Шуджа эд-Дин!» И тут же он [Султан] появился и, взяв его с места, посадил его на лошадь, которая как раз пробегала мимо [будущей?] могилы Султана. Короче говоря (*махфиль-и келям*), кафиры были побеждены и вернулись восвояси. Любовь к Султану возгорелась в сердце сына Тимурташа. Он сказал сам себе: «Откажусь я от этого царства, пойду, сяду на войлок перед лицом Султана и начну ему служить». Он взял с собой всю свою казну и своих слуг и прибыл к Султану, сказав: «Мой Султан, прими на службу к себе этого раба, позволь мне сесть на войлочный коврик [стать дервишем] перед твоим ликом». Долго он просил. Султан разрешения не дал. Он сказал: «Детушка, иди займи свое место на стене крепости [т.е. оставайся воином]. Ибо старец тебя там будет охранять». Итак, он не получил того, чего добивался, и возвратился к своим обязанностям. Однажды он сидел и подумал, что хорошо бы послать Султану тысячу овец с пастухом, тысячу царских золотых монет, одну лошадь с седлом *кес* и одну лошадь с седлом *кур*. Он загадал в своем сердце, что, «если Султан примет эти посылаемые мной дары, значит он и меня самого принимает, и в том и в этом мире». С такой просьбой он явился к Султану и привел к нему эту лошадь. Султан сказал: «Возьми, детушка, эту лошадь, что ты за собой ведешь. Возьми, детушка, а то детишки пира отпустят [ее] на волю». Потом Али пригнал несколько тысяч овец с чабаном. Султан сказал: «Возьми, детушка». Затем он велел принести царские золотые монеты, но Султан их не принял, сказал: «Возьми, детушка, высыпь их в собачью кормушку». Но абдалы стали умолять его: «Ради Бога, Султан, давай примем эти деньги!» Они пошли и высыпали деньги в собачью кормушку. Собаки пищу съели, а золотые остались в кормушке. Сын Тимурташа, сложив руки на груди, стоял тут же и смотрел. «Пусть будут приняты на твой путь те вещи, которые я принес», — говорил он. Султан сказал: «Посмотри, детушка, что случилось с тем золотом, которое бросили в собачью кормушку?» Пошли, посмотрели, сказали, что собаки свою еду съели, а золото оставили. Тогда он сказал: «Ох, детушка, зачем нам есть то, что не едят даже собаки?» Потом Султан бросил взгляд на камень, который лежал справа от него, и из камня потекла золотая жила, было там золота без счета. Он повернулся и посмотрел влево. Зачерпнул горсть земли, сжал ее в ладони, и из нее посыпались золотые монеты. Он сказал: «Детушка, старцу нет нужды в золотых монетах». Али Челеби, сын Тимурташа, продолжал умолять, но Султан сказал: «Детушка, мы не принимаем тебя». Али Челеби возвратился на свое место и после этого часто посещал Султана. Однажды он приехал и сказал: «Мой высочайший Султан, я определил вам в *вакф* несколько городов и сел, пусть [дервиши] питаются с их [населения] во имя любви к Султану». Как он ни умолял, Султан не принял дара, говоря: «Детушка, у старца нет необходимости

пользоваться вещами других людей. Старцы рожают босоногих детишек с непокрытой головой, и они для старцев — дети души, они разжигают очаг старцев». Так он сказал, и все.

Рассказ. В один из дней Султан Варлыгы сказал: «В диване Друга объявили соревнование, семьдесят тысяч незримых отроков принимали в нем участие. Лошадь [вашего] старца выиграла скачки. Старец получил приз, и его доля была увеличена; старцу дали пятьдесят семь тысяч абдалов Рума и попросили распределить их долю. Ваша награда у *пирра*, детушки, требуйте ее у него! Вашу Луну, ваше Солнце потеряйте (?) и возьмите то, что принадлежит вам во имя Луны и Солнца. Детушки, старец ничьей доли не проедает; даже тот, кто приготовит заячий бок и поставит на стол ради любви к старцу, не потеряет то, что принадлежит старцу в диване Друга⁹. В то время на службе у Султана был один из абдалов Хаджи Бекташа Вели по имени Якуб Абдал. Через некоторое время он вышел вперед и сказал: «Мой Султан, одари нас, твоего раба, взором твоего покровительства!» Султан Варлыгы одарил его взглядом. От этого он обезумел, и все его чувства смешались, и он стал танцевать *сема* перед Султаном. Султан сказал ему «Иди, детушка, мы даем тебе Джебзели [букв. «Место влечения»] в качестве пристанища». И он, по-прежнему танцуя, вышел. После его ухода Султан Варлыгы сказал: «Идите, детушки, спросите у Якуба, какое время есть во времени (во временах)?¹⁰» А тот еще вчера ушел в Кырккавак, там его и догнали. На ходу у Якуба спросили: «Какое время во времени?» Якуб Баба, посмотрев на небо, ответил: «Вот, с именем Солнца с земли встает». Абдалы вернулись и подошли к Султану. Он спросил: «Что вы сделали, детушки?» Они сказали: «В Кырккаваке мы настигли его, спросили, он сказал: вот, с именем Солнца стоит на земле [sic! — Ю. А.]». Султан Варлыгы тогда сказал: «Детушки, тот *ашик* (влюбленный в Бога), для которого и ночь и день равны». Якуб Баба же расположился в Джебзели и там показал множество чудных дел (*ойюн*) и остался там. Сейчас его обитель действует в той местности, и он святой того климата (*иклим*), вот и все.

Рассказ. Однажды Султан Варлыгы сидел [с абдалами] и сказал: «Детушки, под солнцем какая-то сестрица идет к старцу и у нее какой-то немалый сосудец есть, сырость (*генени*) (?) на ее сосуд¹¹. Султан продолжал сидеть в одном месте. Пришла женушка (*карычук*), обратилась к Султану с просьбой: «Мой Султан, ты удовлетворяешь нужды любого человека, и мою нужду прими. Я старая беспомощная женщина, у меня только пряжа (*иплиджигюм*), а денежек нет, чтобы мне самой соткать ткань или кому-то поручить». Султан промолвил: «Детушки, кто из вас сможет оказать помощь этой женушке, я готов исполнить все, что ему

9 | Это место в тексте не совсем ясно, возможно, при переписке оно было испорчено. Заяц считался у бекташи табуированным животным. Заячье мясо было запрещено к употреблению в пищу. Вероятно, Шуджа эд-Дин хочет сказать, что даже тот, кто поднесет хотя бы мясо зайца ради любви к наставнику, будет спасен и получит у него свое вознаграждение.

10 | Это место в тексте не совсем ясно, возможно, при переписке оно было испорчено.

11 | Это место в тексте не совсем ясно, возможно, при переписке оно было испорчено.

нужно». Абдал Мехмед разбирался в ремесле выделки тканей (*чухла-лук*). Он встал. Поцеловал руку Султана, взял ту пряжу с собой и ушел. В *дергахе* одного человека сделал ткань, принес ее, положил перед лицом Султана. Султан Варлыгы тогда одарил его своим взглядом. Ведь куда бы ни направлялся Султан, тот абдал все ходил за ним и просил дать ему *насиб* (долю, мистический «удел»). Вот так однажды они шли, и Султан сел, чтобы справить нужду. Однако прежде никто никогда не видел, чтобы Султан садился справлять нужду. Перед тем как встать, что-то у него выпало. Абдалы помчались наперегонки (*сегурдишидилер*) к тому месту. Абдал Мехмед впереди всех прибежал. Он видит, что на месте, где сидел Султан, лежит драгоценный камень размером с орех. Он взял, положил его себе в рот, проглотил и с тех пор он стал в милости у Султана. Султан промолвил: «Детушки, этого [абдала], который нас любит, засыпьте его [с ног до головы] галькой (*чакыл*)». У него было около трех сотен абдалов. В его присутствии каждый из них бросил по одной гальке на того абдала. Султан Варлыгы ушел оттуда. Через несколько дней вернулся и сказал: «Откопайте его, детушки!» Они раскопали его, посадили Абдала Мехмеда на войлок Султана, закутали его (*кочдылар*). Султан сказал: «Теперь иди, детушка, мы тебе дали в качестве пристанища (*ятак*) город Боклыджа (буквально «Дерьмовый»). Абдал Мехмед ушел от Султана и направился в Бурсу. В стенах Бурсы был некий святой человек, совершенно опьяненный мистической любовью (*сермест*). Он прихватил с собой еще двух блаженных юродивых, вышел к реке Куруджа-чай и сказал [Абдалу Мехмеду]: «Не входи в мой город!» Абдал Мехмед ответил: «Я пришел от моего Султана, это Султан дал мне город». Тот мистик сказал: «Принеси свою владельческую грамоту (*берат*), посмотрим». А Султан Варлыгы поставил Абдалу Мехмеду на ладонь правой руки прямо посередине печать святости. Он раскрыл ладонь, показал. Тот смотрит, что на ладони печать святости, и со словами «Султану принадлежит власть, город — в твоём распоряжении» исчезает. Абдал Мехмед вступает в город Бурсу. Он сидел там в одной бане среди помоев (*чиркеф*) в течение восемнадцати лет. Там он показал множество проявлений святости (*велайетлер*). Он говорил [горожанам Бурсы]: «Нет у вас будущего, и мы не придем [к вам], потому что вы — ничто». Несколько ученых из медресе (*данишменд*) приступили к нему с оружием в руках, говоря: «Уничтожим этот оплот неверия, спалим его в огне!» Они обнажили свои мечи и напали на него. Но их руки тут же отсохли, и они раскаялись в содеянном и вернулись назад ни с чем.

Мать падишаха Султана Мурада постоянно посещала Абдала Мехмеда. Однажды она послала своего слугу к нему со словами: «Иди, посмотри, чего желает сердце Баба Мехмеда». Баба Мехмед же сказал: «Иди, принеси пирогов». Он вернулся, рассказал госпоже султанше. Султанша своим служанкам (*халайик*) приказала: «Быстро напеките пирогов». Испекли пироги, послали их со слугой. Когда он принес их,

Абдал Мехмед разгневался и закричал: «Эта зас...анная бабенка не могла сама испечь? Зачем поручила печь рабыням?» Слуга вернулся, поставил пирог перед султаншей. Рассказал ей о странных словах Абдала Мехмеда. Услышав этот рассказ, султанша встала и своими руками испекла пирог. Вручила его посланцу и снова отправила его. Когда тот передавал его, Абдал Мехмед сказал: «Вот так-то, зас...анная бабенка, молодец!» Чудеса его всем очевидны. Обитель его находится в стенах города Бурсы, мир ему!

Рассказ. Однажды Лачиноглу-паша в беседе с султаном обратился к нему: «Мой Султан, у меня к тебе есть несколько вопросов». Тот сказал: «Спрашивай, детушка, посмотрим». Он спросил: «Ты носишь с собой такую же палку, какую и другие люди носят. Им она нужна для того, чтобы опираться при ходьбе, либо чтобы отбиваться от собак. Но ты ведь ни собак не бьешь, ни при ходьбе не опираешься на нее. В чем причина этого и зачем ты ее носишь?» [Султан] отвечал: «Детушка, когда старец в облике Адама из рая выходил, мы с Евой потеряли друг друга и скитались несколько дней порознь. И когда мы встретились вновь, она одичала и вела себя с нами как дикий зверь. По воле Всевышнего, Джебраил принес мне из рая [эту палку], чтобы воспитывать Еву, итак, чтобы почтить нас ее принесли». «Другой мой вопрос, мой Султан, для чего на голове своей ты носишь этот венец (*тадж*)?» Он [Султан] сказал: «Детушка, когда старец явился в образе [имама] Али и когда после нашей кончины мы привели верблюда, чтобы похоронить наше брненное тело и преподать урок [нашим] сыновьям Хасану и Хусейну, в то время наше лицо было закрыто покрывалом, и этот колпак сделан из того покрывала. Ибо это — одеяние старца». «А эта плеть (*мефтуль*) в твоей левой руке, ее делают сестры [женщины]. Раз ты Султан, почему ты заставляешь это делать женщин?¹²» Султан сказал: «Детушка, по повелению небесных ангелов (*гек фериштелери*) плеть была послана старцу в подарок с одним ангелом. Поэтому старец ею и машет, детушка». Когда он так сказал, в сердце Лачиноглу закралось сомнение. Он подумал: «Как это он может быть вечным (*нихайетсюз* — “бесконечным”)?» Султан Варлыгы тогда взмахнул плетью, которая была у него в руке. Та превратилась в двухголового дракона, который бросился на голову Лачиноглу. Тот воскликнул: «Ах, благородный Султан, тот, кто не верит тебе, — кафир!» Султан снова взял плеть в руку. Лачиноглу, увидев это чудо, сказал: «Мы нашли то, чего жаждали сердцем, это — слуга Ахмеда [пророка?], пусть он придет (?)» И так три дня он взывал непространно.

Рассказ. Сейид Несими, прибыв в страну Рум, встретился в Ларенде в одном месте с Баба Кайгусузом и Султаном Кемалем. Они сказали: «Нам нужен человек более продвинутый, чем мы, чтобы он рассказал нам о будущем». Кайгусуз Баба сказал: «Есть такой человек». Его спро-

12 | Это место в тексте не совсем ясно, возможно, при переписке оно было испорчено.

силы: «Кто?» Он говорит: «Султан Шуджа». Они потребовали: «Давай, отведи нас сейчас к нему». Он ответил: «Отведу». Они отправились в путь. Султан Кемаль знал такое чародейство: где бы он ни находился, он мог создавать (*башарды*) городской базар, и там он в течение недели мог есть и пить сколько заблагорассудится. На седьмой же день он восклицал: «Мы не градоправитель (*шехрдар*) и на базар не ходим!» И говорил: «Я — Бог (*Танры*)!» Сейид Несими же, да пребудет с ним милость Аллаха, говорил: «Мой дед¹³ пришел и положил начало устройству мира; если бы не их [людей] привязанность [к традиции], в моих силах было бы изменить тот порядок и установить новый». На это он претендовал. В конце концов они прибыли к гробнице Сейида Гази и там стали разведывать о том, где находится Султан. Они послали Султану [сообщить] о своем приходе, и, когда они шли, Султан промолвил: «Детушки, боги, пророки идут к нам!» Встав, он пошел прочь. Когда они прибыли, то его не застали. Они говорят: «Если он был бы истинным магом, он остался бы на месте, он же от нас ушел, сбежал!» У Султана был баран, которого называли златорогим. На нем проявилось много тайных знаков [знамений] по воле Султана. Бывшие в диких местах детеньши зверей (*кичик*) и зайчики (?) (*тавшанджук*) на него садились и плавали (переплывали ручьи?)¹⁴. Когда Султана не было на месте, а к нему приходили гости, он [баран] давал им приют (*мескенлик*). Он знал, что к Султану приходит так много гостей. Сейид Несими и Кемаль нашли этого барана в местопребывании Султана и воскликнули: «Что это еще за баран?» Дервиши сказали: «Он — нашего Султана». Сейид Несими же спросил: «Для чего нужен Султану баран? Истинный Султан лишен недостатков (*мюнеззех*). Если он чист от всего земного, зачем ему баран?» Он продолжал: «Этот баран стал для Султана идолом (*пут*), зарежьте барана, избавим его от идолопоклонства!» Кайгусуз Баба возразил: «Давайте не будем совершать нелицеприятного по отношению к святому!» Султан Кемаль и Сейид Несими не последовали словам Баба Кайгусуза, зарезали барана. Кемаль подвесил тушу барана, а Сейид Несими содрал с нее шкуру. Они бросили тушу в котел, но, сколько ни старались, не могли сварить ее. В тот же миг неожиданно появился Султан, обнаженный, неся на себе свою войлочную подстилку и сидя верхом на палке. Когда они увидели Султана, у них отнялся дар речи. Султан Варлыгы сел, посидел, затем словно бы очнулся от раздумий («совершил *базгяшт*»). Встав, он босоногий пошел в сторону Соновой рощи. Они тоже разулись и двинулись вслед за ним. Султан шел по склону, покрытому репейником (*чакыр*). У Несими и у Кемалья ноги были изранены колючками, они не смогли идти, присели. Султан обернулся к ним и сказал: «Детушки, вы претендуете на то, что являетесь богами и пророками, а сами не властны даже над зарослями колючек».

13 | Вероятно, имеется в виду пророк Мухаммад, потомком которого мог себя считать еретический тюркский поэт Сейид Имад эд-Дин Несими/Насими (1370–1417).

14 | Это место в тексте не совсем ясно, возможно, при переписке оно было испорчено.

У Кемалья было сорок мюридов, все они происходили из знати. Они постелили под ноги Кемалю войлок. Султан же подошел к сосне и сел, прислонившись к ней спиной. И те тоже пришли туда, сели поблизости, положив на землю тюфяки. Султан подозвал к себе Кемалья: «Подойди, детушка, тебя ведь старец родил и продолжает рождать, но старец-то в сокровенном (*батын*), а ты — во внешнем (*захир*)». Кемаль сам пожелал отдать свою душу Султану. У него был *халифе* по имени Кушчуоглу. Он был сыном судьи. Он вскричал: «До этого ты выставял себя вторым Богом, а теперь идешь в услужение к простому человеку?» Из-за этих слов Кемаль отказался [стать мюридом Султана Шуджи]. Султан повернулся, посмотрел в лицо Сейиду Несими и промолвил: «Детушка, кожу (*себт*), которая давала пропитание старцу, стяни и положи перед нами». Сейид Несими тогда возгласил (*мутала'а эйледи*):

В меня вместятся оба мира
Но в этот мир я не вмещусь;
Я суть, я не имею места;
И в бытие я не вмещусь.

Султан Варлыгы засмеялся и молвил: «Детушка, если ты сказал это [о] шариате Мухаммеда, то тебя засунут в ореховую скорлупу». Султан поднялся и ушел в другое место. Они тоже встали и пришли туда, где сидел Султан. Кемаль сказал: «Да будет любовь, мой Султан!»¹⁵ Султан Варлыгы ответил: «Ху, ха», — и ушел от них дальше. Он [Кемаль] нагнал его и снова спросил: «Мой Султан, мы же люди по нашему обличью, почему вы обращаетесь с нами как с животными?». Он [Султан] сказал: «Детушка, тот, кто не знает своего хозяина, тот хуже, чем животное! После того, что вы сказали старцу, пусть старец даст то, чего вы пожелали». Он сорвал своей благостной рукой яблоко с сосны, возле которой стоял Сейид Несими, и положил перед Сейидом меч, сказав: «Иди, тебя позвали в город Халеп, поспешай!» Сейид встал и отправился в путь. Он же [Султан] сорвал грушу, нацепил на рукоятку своей плети и положил перед Кемалем: «Иди, детушка, тебя спрашивают в царстве желания в [мире] смысла». Потом он снова потянулся, сорвал с ветки сосны красную розу. Он протянул ее Кайгусузу Баба и молвил: «Иди, детушка, да дымится твой очаг!» Он сказал эти слова потому, что тот в течение тридцати лет носил на спине дрова в обители Абдала Мусы и ни разу ни одного кривого полена не принес; однажды, когда он ссыпал дрова, зацепил за поленницу, и вся она рухнула. Абдал Муса прервал беседу (*сохбет*) и сказал: «Те, кто нас любит, пусть дадут Кайгусузу по одному удару кулаком». При нем находилось сто пятьдесят абдалов. Кайгусуза ударили сто пятьдесят раз. Кайгусуз Баба воскликнул: «Для познавшего сто пятьдесят ударов — это знак!» Он [Абдал Муса] сказал: «Он — отрицатель, не пускайте его, пусть сидит снаружи». Когда Кайгусуз Баба

15 | Букв. «Султана ышк олсун». Это традиционное приветствие дервишей-бекташи, которым они обмениваются с собратьями.

уходил из обители, ему на ум пришла мысль: «Если нас прогнали через дверь, мы войдем снова через трубу». Он поднялся и через дымоход бросился вниз, прямо лицом в огонь упал. Абдал Муса беседовал с дервишами, он сказал: «Ах ты, Кайгусуз, чтоб твой очаг не дымился, ты нас замучил!» Они [дервиши] схватили его за руки и вывели наружу. После этого Кайгусуз Баба бродил по всем четырем сторонам света; куда ни придет, везде строил обители. Но нигде он не находил себе пристанища [букв. «в его очаге не выпадала зола»], пока наконец не прибыл к Султану, который сказал ему: «Да дымится твой очаг!» После того он пошел и поселился в стране Рум в местности Караджадаг. Он зажег очаг, выпала зола, пошел приятный запах. Между тем Несими все ехал, добрался до города Халеба. Когда он приехал туда, то воскликнул: «Держите поводья лошади Бога!». Жители Халеба обвинили его в распространении ереси (*гулув*). Это была пятница; его с бранью потащили в мечеть, поставили перед лицом улемов. Несими стал доказывать, что их намаз — несправедливый (*фасид*), а сами они — кафиры. Он покинул город и остановился за стенами. Когда он ушел, горожане сказали: «Что за дело, какой-то человек нас называет неверными, а наш намаз — ложным?» Они погнались за ним, настигли его в одном *фарсанге* [от города], опять привели назад, бросили его самого в темницу, а диван его стихов послали к султану Египта: «Прибыл один человек, вот такое неверие стал распространять, как прикажете поступить с ним?» Гонец приехал в Египет, показал диван египетскому Сейида султану, говоря: «Такой-то человек есть, такое-то учение распространяет (*сейран багламыш*), в этом действительно безбожие заключено». Султан Египта приказал: «Доставьте его ко мне». И послал еще своего уполномоченного (*хеджин*). Но, когда тот еще не добрался до Халеба, жители города содрали кожу с Сейида, и, когда сдирали до пупка, он все говорил: «Ох, ох!» А когда стали сдирать дальше, он воскликнул: «Да, к Аллаху мы возвращаемся!» Жители Халеба отправили посланца к султану Египта сказать: «Мы содрали с него кожу». Падишах Египта разгневался и закричал: «Почему не дали мне знать об этом и зачем с такого святого (*'азиз*) человека кожу содрали?» И он приказал содрать кожу с четырех кади [Халеба] и обложить всех кади [налогом] в тридцать тысяч *акча*. И с того времени это стало традицией, и сейчас взимают¹⁶. Кемаль же отправился в [царство] смысла (духовный мир?), которое он любил.

У Султана Мурада был сын — его звали Султан Ала эд-Дин. Он, едва увидев Кемалья, полюбил его. Собираясь на охоту, посадил его на свою лошадь впереди себя и поехал. Он свою свиту не взял с собой, и они пошли жаловаться падишаху: «Пришел какой-то человек, сбил твоего сына с пути, и сам сел на лошадь впереди него». Падишах же воскликнул: «Спросите, в чем он искусен, что за волхование он знает?» Когда это стало известно, султан повелел: «Я вам ничего не говорил,

16 | Здесь можно видеть указание на то, что во времена составления текста «Вилайет-наме» Египет еще не был завоеван Османами (это произошло, как известно, в 1516–1518 гг.).

вы сами знаете, что хотите, то и делайте». Украдкой же отдал приказ везирам: «Убейте его [Кемалья]!». Они пришли и объявили: «Это повеление падишаха!» Не стали медлить ни минуты. Его сочинения стали рвать. Самого Кемалья повесили на ветке тополя. Кемаль твердил: «Мы от этого мучиться не будем, это наш переход [в иное состояние], как нам это предсказывал святой муж (*эренлер*)». Когда его повесили, увидели, что у него изо рта вылетел голубь. Из трех голубей [?] один полетел в сторону франков, другой — в Стамбул. В [царстве] смысла было [место], называемое Канлуджа, и туда он [голубь] прилетел; там был человек, разбиравшийся в тайнах *эренов*. Он побежал вслед за птицей, летевшей в сторону Карабуруна¹⁷. Он гнался за ней, думая: как бы ее схватить? В Карабуруне он увидел, что в одном месте два вола пашут, а рядом с ними лежит мальчик и спит. Тот голубь влетел в рот спавшего мальчика. [Тот человек] пнул лежащего мальчика, [крича]: «Ты проглотил мою долю, *taksirluk* сделал! Имя того мальчика потом стало Самуд Баба. Вот и все.

Рассказ. У султана Мурада¹⁸ был муфтий, которого звали Молла Фенари. По какому-то делу (*маслахат*) он поехал в Кютахью. Люди, видевшиеся с Султаном, рассказали [ему]: «В этом краю есть такой-то муж-чудотворец (*кераметлю киши*)». Хвалили его. Молла Фенари сказал: «В нашу эпоху таких святых людей не может быть. На следующее утро я вам разъясню, является ли виденное вами проявлением святости, или же то, что он делает, — лишь колдовство; я дам вам знать!» Он написал тридцать вопросов (*меселе*). И сказал: «Наше мусульманство, наша наука вот в этом. Если он даст ответ на эти вопросы, значит, он — постигший (*эр*); если же нет, значит, он творит колдовство и я позабочусь о том, чтобы наказать его!» Пока он в Кютахье писал свои вопросы, Султан направил свои стопы в ту сторону и, сидя [на привале] и улыбаясь, воскликнул: «Детушки, этот братец старца хочет испытать. Он старцу послал тридцать орехов. Пусть придет, во имя Луны и Солнца, среди этих [вопросов-орехов] только один цельный, остальные все гнилые». Сказав так, он изменил направление пути. Написав вопросы, [муфтий] послал их с четырьмя *мюдеррисами* [преподавателями медресе], которые предстали перед ликом Султана. Он повторил: «Детушки, этот братец хочет испытать старца! Старцу тридцать орехов прислал. Во имя Луны и Солнца, только один из них цельный, остальные же — гнилые». Те не успели ничего ему сказать, как Султан уже им объявил цель их прихода. Когда он давал ответ, мюдеррисов охватил страх. Они сняли с себя тюрбаны и мантии (*джуббе*), и стали просить: «Сделай нас дервишами!» Султан Варлыгы молвил своим спутникам: «Встаньте, детушки, обрейте вот этим людям бороды и головы!» Исполняя веление Султана, обрили их; потом всю ночь они сидели перед Султаном. Утром Султан, продолжая сидеть, натянул войлочное покрывало себе на голо-

17 | Карабурун — селение на берегу Черного моря, примерно в 50 км к северу от Стамбула (Константинополя).

18 | Речь здесь идет об османском султани Мураде II (1421–1451).

ву. В руке у него вдруг оказалась связка перца, причем еще оставались свежими места среза. Он сказал: «Возьмите, детушки, тому братцу от нас это передайте в качестве знамени (*нишан*)». Мюдеррисы покинули то место и прибыли к Фенариоглу [sic! — Ю. А.]. Они положили перед ним ту связку перца, и он заметил, что они стали дервишами. Он спросил: «Эй, что с вами стало?» «Не обращай внимания на наше состояние, лучше посмотри на то, что перед тобой», — сказали они, указывая на связку перца. Муфтий призвал бывших при нем *хваджеги* [купцов, членов одной из купеческих гильдий], которые совершили путешествие в Индию, и спросил: «Что это такое, скажите?» Они же сказали: «Это не что иное, как гроздь перца». «Откуда она?» — спросил он. «Из Индии», — отвечали. Он спросил: «В других местах растет ли?» Они сказали: «Нет». Он продолжал: «Раз так, мы установили, что он был в Индии; давайте принесем книгу, раскроем и посмотрим: этот человек принес сие с помощью своей святости или с помощью колдовства?» Раскрыли книгу, прочитали, что сила колдунов распространяется на путь в десять дней, в тридцать дней, в сорок дней, но не более того. Он сказал: «Дальше того не простирается». Они ответствовали: «Туда нужно добираться в течение года». Итак, муфтий признал [власть *пирра*] и объявил: «Стало явным, что тот человек — обладатель святости, и принес это с помощью святости». Так он сказал, и все.

Рассказ. Был человек, отрицавший [силу святого]. Он пожаловался кадию: «Дервиши Султана Шуджа эд-Дина не соблюдают пост». Кадий тоже был противником дервишей. Он воскликнул: «Я пойду и спрошу с них за все!» И сказав так, он ополчился на дервишей: «Эй, дервиши, почему вы не держите пост?» И он велел побить всех дервишей. Когда судья собирался уходить, Султан сидел на земле, дервиши же подошли к нему и сказали: «Мы стали слугами такого Султана, как ты, и вот приходит какой-то кадий и бьет нас. Спроси же за это с него ответ!» Он сказал: «Детушки, для каждого, кто явился сюда, чтобы бить вас, приготовьте по одной могиле (*макбер*)». Они пошли, вырыли могилы. Там вместе с кадием было пятнадцать человек. Султан поднял посох и стукнул один раз о землю. Кадий и его спутники упали с лошадей на землю и отдали Богу душу. Вот и все.

Рассказ. Султан Варлыгы вместе с тремя сотнями абдалов поднялся к Атлучалу. Со стороны никого не допускал туда; абдалы не выдерживали голода и стали понемногу уходить от него — кто через десять дней ушел, кто через двадцать дней. Вместе с ним осталось семнадцать абдалов. Он никого не допускал со стороны, чтобы не могли накормить их. Сорок ночей и дней он сидел и ничего не объявлял на языке без слов. Через сорок дней он встал и быстро пошел к горе Тутман (Дутман). Он дошел до какой-то поляны, на которой стояли зеленые и красные шатры. Обитатели этих шатров вышли навстречу Султану, стали целовать его руки и ноги и сказали: «Ты перестал к нам приходить, оставил своих рабов без своего покровительства; не забывай нас, приходи к нам!»

Султан Варлыгы отвечал: «Детушки, пригласите этих братцев каждого в отдельный шатер, угостите их». Они взяли [дервишей], привели к себе. Поставили перед ними блюда с едой, потом они [дервиши] забылись сном. Они пришли туда в полдень. Когда же они проснулись, наступил новый день. Они обнаружили, что каждый из них лежит под отдельной сосной, но место — то же самое. Ближе к полудню они заметили, что Султан Варлыгы тоже сидит под одной из сосен. Свет от его лица столбом поднимается к небу, будто молния сверкает. Дервиши собрались перед ним. Султан молвил: «Скажите, детушки, что вы видели?» Они рассказали обо всем, что видели. Он сказал: «Те, кого вы видели, — это скрытые эры, и то, что вы ели — это сокровенная пища. Теперь вы стали вместилищем сокровенной пищи, и старец вам даст благословение (*насиб*)». Своей благостной рукой он взялся рукой за их клобуки (*ускюф*); их глаза и сердца прояснились, им стало открыто и явное и тайное. Каждый из семнадцати стал показывать многие чудеса. И даже в нынешнее время у каждого из них — свое место поклонения (*зийаретгах*) [букв. «каждый из них стал великим местом поклонения»], и они исполняют просимое, мир с ними!

(Продолжение следует)

Список источников и литературы

- Веселовский А.Н. Св. Георгий в легенде, песне и обряде // Александр Веселовский. *Народные представления славян*. М., 2006.
- Мороз А.Б. *Святые Русского Севера. Народная агиография*. М., 2009.
- Aslanbay M. *Seyyid Battal Gazi hayatı ve bazı menkıbeleri*. Eskişehir, 1953.
- Aydın F. Seyit Gazi Arslanbey köyünde Şeyh Şucaaddin külliyesi // *Vakıflar Dergisi*, IX. Ankara, 1971.
- Canım R. *Latifi Tezkiretü-ş-şuara ve Tabsiratü-n-nüzema*. Ankara, 2000.
- Elçin Ş. Bir Şeyh Şucâüddin Baba Velâyetnamesi // *Türk Kültür Araştırmaları*. Т. XXII/1–2. Ankara, 1984.
- Jakob G. *Sejjid Gazi* // ZAVG. Strassburg, 1912.
- Kahraman A. *Anadolu erenleri ve anma törenleri*. İstanbul, 2003.
- Kökel C. Eskişehir Yöresi: Alevi-Bektaşî kültürünün temel dinamikleri // *Türk kültürü ve Hacı Bektaş Veli*. № 37. Bahar, 2006 (Ankara).
- Köprülü O. Velâyetname-i Sultan Şucâüddin // *Türkiyat Mecmuası*. Т. XVII. İstanbul, 1972.
- Köprülü, M.F. *Türk edebiyatında ilk mutasavvıflar*. Ankara, 1976.
- Lâtifi. *Tezkiretü-ş-Şu'ara*. İstanbul, 1334 h.
- Menzel T. Das Bektaschi-Kloster Sejjid-Gazi // *Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen*, 28/2. 1925.
- Ocak A.Y. *Osmanlı İmparatorluğunda marjinal Sufilik*. Ankara: Kalenderiler, 1992.
- Özalp T. *Sirvihisar Tarihi*. Eskişehir, 1961.
- Say Y. Anadolu'nun türkleşmesi ve işlamlaşmasında önemli bir kült kimlik: Şucaaddin Veli (Sultan Varlığı) // *Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli. Araştırma dergisi*. № 37. Bahar, 2006 (Ankara).
- Şükrü Baba. *Divân-ı Şeyh İlâmî ve Seyyid Battal Gazi*. İstanbul, 1334 h.
- Taşköprülüzade A. *Eş-Şakayıku-n-Nu'mâniyye fi ulemâ-i-d-Devleti-L-Osmaniyye*. İstanbul, 1934 (1314 h).
- Turan O. *Selçuklular zamanında Türkiye tarihi*. Ankara, 1984.
- Yıldız A. Şucaaddin Baba Velâyetnamesi // *Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli*. № 37. Bahar, 2006.
- Yılmaz H. Sultân Şucaaddin Velî zâviyesi ve vakfına âit yeni belgelere bir bakış // *Türk kültürü ve Hacı Bektaş Veli*. № 37. Bahar, 2006.